

«БРОНЗА И ИХОР»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

автор: Влад Эверест

Влад Эверест

Бронза и Ихор

«Автор»

2026

Эверест В.

Бронза и Ихор / В. Эверест — «Автор», 2026

Когда боги замолкают, говорить начинает сталь. Зетос из рода Гиперионов — не герой из легенд. Он ветеран, который хочет лишь одного: чтобы его оливки зрели под солнцем, а доспехи пылились в сундуке. Но у судьбы, как и у Оракула, жестокое чувство юмора. Древнее пророчество сбывается: море становится горьким, тени удлиняются, а из недр Тартара поднимается сила, о которой забыл даже Олимп. Некратос, отвергнутый сын Аида, ведет армию мертвецов, чтобы разбить цепи Титанов и погрузить мир в вечный мрак. Когда храмы рушатся, а молитвы остаются без ответа, последней линией обороны становятся не полубоги, а люди. Зетос вынужден вновь надеть свой сине-белый гребень и собрать отряд безумцев: спартанского берсерка, амазонку, пьяного кентавра и гордую воительницу Афин. Им предстоит пройти путем, откуда не возвращаются. Ведь чтобы убить того, у кого нет сердца, нужно быть готовым вырвать своё.

© Эверест В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бронза под оливковыми ветвями.	5
Глава 2. Пыль дорог.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Влад Эверест

Бронза и Ихор

Глава 1. Бронза под оливковыми ветвями.

Аттика плавилась. Солнце стояло в зените, словно немигающий глаз разгневанного бога, выжигая цвета из окружающего мира. Воздух дрожал над сухой землей, пахнувшей тимьяном и раскаленной пылью, а стрекот цикад был таким громким, что казалось, будто сама жара обрела голос.

Зетос из рода Гиперионов не обращал на это внимания.

— Ха! — выдохнул он, выбрасывая копье вперед.

Ясеновое древко скользнуло в мокрой ладони, и бронзовый наконечник с влажным хрустом вонзился в мешок с песком, подвешенный на старой оливе. Удар был идеальным — точно в «горло» воображаемого противника. Мешок качнулся, дерево глухо скрипнуло, словно жалуюсь на упрямство человека.

Зетос отступил, восстанавливая дыхание. Пот струился по спине, щипал глаза, но он не снимал доспех. Это был не простой солдатский линоторакс из прокляенного льна. На Зетосе сияла дорогая, тяжелая анатомическая кираса — «мускульный панцирь», выкованный в форме идеального мужского торса. Бронза была отполирована до золотого блеска, но в углублениях мышц металл был затемнен, а наплечники украшали накладки глубокого темно-синего цвета с белой окантовкой — цвета его Рода.

Металл раскалился так, что мог обжечь кожу, но Зетос терпел. Мир расслабляет. Мир делает воина мягким, как перезрелый инжир. А Зетос ненавидел быть мягким.

Он рывком выдернул копье. Голубая лента, повязанная под наконечником, безвольно повисла. Она давно выцвела от морской соли и времени, но он никогда её не снимал — память о том, что даже на войне должно быть место для чего-то чистого.

— Ты скоро свалишь это дерево, брат, — раздался звонкий женский голос со стороны дома. — И тогда священная олива рухнет прямо на твою глупую голову.

Зетос обернулся, смахивая пот со лба тыльной стороной ладони. На пороге стояла Талия, его сестра. Она уперла руки в боки, пытаясь выглядеть суровой, но в её темных глазах плясали смешинки.

— Оливы крепче людей, Талия, — усмехнулся Зетос.

Он снял тяжелый коринфский шлем. Высокий гребень из конского волоса, окрашенный поперечными полосами — синий, белый, синий — коснулся скамьи. Зетос тряхнул головой, и мокрые темные кудри рассыпались по лбу. Он знал, что выглядит сейчас пугающе для мирного

времени — красный, мокрый, пахнувший железом и агрессией, — но Талия лишь закатила глаза.

— Ты неисправим, — вздохнула она, подходя ближе и протягивая ему глиняную чашу с водой, разбавленной кислым вином. — Двадцать семь лет, Зетос! Другие в твоём возрасте уже нянчат третью дочь, обсуждают урожай и цены на шерсть. А ты? Ты нянчишь свой щит.

Зетос жадно припал к чаше. Вода была холодной, она смывала привкус пыли во рту.

— Опять начинаешь? — он вытер губы, возвращая пустую чашу.

— А кто, если не я? Матушка давно в Элизиуме, отец тоже. Я за старшую, — Талия поправила складки своего пеплоса. — Вчера на рынке я видела Хрисеиду. Красавица, статная, бедра широкие — родит тебе крепких сыновей, настоящих спартанцев, только рожденных в Афинах. Она спрашивала о тебе. Глаза горят, как масляные лампы. Что мне ей сказать? Что мой брат женат на войне?

Зетос рассмеялся, и звук этот был глубоким, искренним. В бою он был ледяной глыбой, но здесь, дома, его сердце оттаивало.

— Скажи ей, что я польщен, сестра. Но мое сердце — не Агора, где выбирают лучший товар.

— Гордец! — фыркнула Талия, но беззлобно. — Весь в отца. Ты ждешь, что Афродита сама постучит в твою дверь? Или надеешься встретить нимфу в лесу? Смотри, дождешься старости, и греть тебя будет только холодная бронза твоей кирасы.

— Зато бронза никогда не требует новых украшений и молчит, когда я сплю, — парировал он, подмигивая.

Он подошел к маленькому домашнему алтарю Зевса Херкея — Оградителя, стоявшему в центре мощеного двора. Зетос был набожен, как любой, кто видел смерть слишком близко. Он плеснул остатки вина из кувшина на горячий камень алтаря.

— Великий Отец, храни этот дом, — прошептал он.

Жидкость зашипела. Но вместо того чтобы подняться к небу легким белым облачком, дым повел себя странно. Он был тяжелым, маслянисто-черным. Дым пополз вниз, к земле, обвивая камни алтаря, словно змея, ищущая нору.

Улыбка сползла с лица Зетоса. В воздухе внезапно запахло озоном, как перед страшной грозой, хотя небо было чистым до рези в глазах. Птицы, певшие в кипарисах у ограды, разом умолкли. Тишина навалилась на усадьбу — плотная, давящая тишина.

— Зетос? — голос Талии дрогнул. — Что это?

Стук копыт разорвал оцепенение.

К воротам усадьбы подъехал одинокий всадник. Лошадь была в мыле, бока вздымались, а сам всадник, несмотря на жару, кутался в дорожный плащ цвета выцветшей терракоты. Он спешил легко, по-военному, хотя седина в его бороде говорила о преклонном возрасте.

— Дракон! — Зетос шагнул навстречу.

Это был его наставник. Человек, который научил Зетоса держать строй фаланги, когда тот был еще безусым юнцом. Дракон постарел, шрам через все лицо стал глубже, но глаза оставались глазами хищной птицы. Однако старый воин не улыбнулся. Он бросил поводья подбежавшему мальчишке-рабу и прошел во двор. Его лицо было мрачнее входа в Тартар.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Зетос, — голос наставника скрежетал, как мельничные жернова. — Но я принес не радость.

— Что случилось? — рука Зетоса привычно легла на рукоять короткого меча-ксифоса у пояса. — Спартанцы? Персы?

— Хуже, — Дракон снял перчатки, отряхивая дорожную пыль. — Природа, мальчик. Море молчит. Рыбаки в Пирее боятся выходить за волнорезы. Говорят, вода стала горькой, как желчь, и мертвая рыба всплывает брюхом вверх. А в Аркадии, говорят, земля стонет по ночам.

— Боги гnevаются? — тихо спросил Зетос, косясь на черный дым, все еще ползущий у алтаря.

— Или боги испуганы, — Дракон посмотрел прямо в глаза ученику. — Я видел многое. Я видел, как горят города. Но сейчас пахнет чем-то древним. Тем, что должно было спать вечно.

Зетос хотел ответить, но слова застряли в горле. Вдалеке, со стороны дороги, ведущей из Афин, раздался звук.

Это был не грубый рев боевого рога и не пастушья свирель. Это был чистый, высокий, пронзительный звук серебряной трубы, от которого заныли зубы и холодок пробежал по спине под раскаленной бронзой.

Талия вскрикнула, прижав ладонь ко рту.

— Герольд? — спросил Зетос.

— Не городской, — покачал головой Дракон, прищурившись. — Такой звук я слышал лишь однажды. В Дельфах, когда Пифия объявляла волю Аполлона.

Они вышли за ворота. На дороге, поднимая клубы золотистой пыли, стояла колесница. Она была великолепна — обитая бронзой, сияющая на солнце. Возничий едва сдерживал пару белоснежных коней, грызущих удила.

Рядом с возничим стоял гонец. На нем не было доспехов, только белые одежды жреца, перехваченные золотым поясом. В руках он держал тубус из слоновой кости, запечатанный красным воском с символом лавровой ветви.

Гонец не стал спускаться на землю. Он обвел взглядом Зетоса — его мощную фигуру в сине-белой броне, его шрамы и гордую осанку. Казалось, жрец сверялся с каким-то невидимым списком.

— Зетос из рода Гиперионов! — провозгласил гонец. Голос его был усилен магией храма — он гремел над оливковой рощей, заглушая вернувшийся стрекот цикад. — Внемли!

Он сломал печать с сухим треском и развернул свиток.

— *«Тьма шевелится под корнями мира. Цепи Тартара ослабли. Оракул призывает не царей, но защитников. Лучших сынов Эллады. Сбор у Омфала, Пупа Земли. Ибо грядет буря, которую не остановить смертным оружием».*

Гонец свернул свиток и протянул его Зетосу. Тот взял слоновую кость. Она была холодной, словно пролежала во льду.

— Ты призван в Дельфы, стратег. Срок — три дня. Не медли.

Гонец дернул поводья, колесница развернулась на месте, колеса взрыли сухую землю, и посланник умчался прочь, оставив за собой лишь облако пыли и звенящую тишину.

Зетос стоял, сжимая свиток так, что побелели костяшки пальцев. Он чувствовал на себе испуганный взгляд сестры и тяжелый, понимающий взгляд наставника.

— Похоже, твоя красавица-жена подождет. — тихо сказал Дракон, положив тяжелую руку на синий наплечник ученика.

Зетос посмотрел на свой щит с белым быком, прислоненный к оливе. На мгновение ему показалось, что бык на гербе опустил рога, готовясь к удару. Мирная жизнь закончилась. Началось время мифов.

Он повернулся к сестре. В его глазах больше не было веселья, только холодная решимость и та самая хитринка, которая спасала ему жизнь в десятках битв.

— Талия, собери мне припасы. Хлеб, сыр, вяленое мясо. И достань из сундука старый хитон отца, мне нужна сменная одежда.

— Ты едешь? — прошептала она, и в голосе её были слезы. — В Дельфы?

— Я еду спасать наши оливки, сестра, — мягко ответил он. Затем он повернулся к старику. — Дракон... ты пойдешь со мной? Или твои кости слишком стары для дороги?

Старый воин усмехнулся, обнажив крепкие зубы. В этой улыбке блеснула сталь, острая и опасная.

— Я не пропущу конец света, мальчик. Только не надейся, что я буду нести твой щит. Зетос кивнул и надел шлем. Мир сузился до узкой прорези визора.— Тогда в путь.

Глава 2. Пыль дорог.

Рассвет над Атикой был кровавым. Эос, розоперстая богиня утренней зари, в этот день словно окунула пальцы в свежую рану. Небо на востоке пылало багрянцем, но этот цвет не обещал радости нового дня — он предупреждал.

Зетос затянул последний ремень на вьюке мула. Животное недовольно фыркнуло, переступая копытами по брусчатке двора. Мул вез самое ценное: разобранный доспех Гиперионов, тяжелый щит, завернутый в промасленную ткань, и запас провизии. Сам Зетос был одет в дорожный хитон из грубой серой шерсти и широкополый петас, защищающий от солнца. Меч-ксифос покоился у бедра, скрытый складками плаща.

— Ты взял сыр? — голос Талии был твердым, но Зетос слышал в нем предательскую дрожь.

Она стояла на крыльце, сжимая в руках небольшой сверток. Ее лицо было бледным в утренних сумерках.

— Взял, сестра. И вино, и вяленое мясо, и даже те лепешки с медом, которые ты пекла на праздник, — Зетос подошел к ней. — Я не на пир еду, Талия.

— Война — это тоже пир. Только для стервятников, — она сунула ему в руки сверток. — Здесь мазь из горных трав. Если... если тебя ранят. И амулет с волосом нашей матери.

Зетос принял дар. Он хотел пошутить, как делал это всегда, хотел сказать, что его шкура толще, чем у калидонского вепря, но шутка умерла на губах. Он просто притянул сестру к себе и крепко обнял. Она пахла дымом очага, лавандой и домом. Запахом, который он мог потерять навсегда.

— Береги оливы, — шепнул он ей в макушку. — И тресни по макушке Евмела, когда он вернется.

Талия всхлипнула, но тут же отстранилась, ударив его кулаком в грудь. — Иди уже. И смотри за Алексисом. У него ветер в голове, а не мозги.

— За ним присмотрит Дракон, — усмехнулся Зетос. — А за Драконом присмотрю я.

Старый наставник уже ждал у ворот. Он сидел на мохнатой, коренастой лошадке, которая выглядела такой же упрямой и жилистой, как её хозяин. Дракон точил короткий кинжал о точильный камень, и этот звук — *ших-ших* — резал утреннюю тишину.

— Долго прощаешься, стратег, — проворчал старик, не поднимая глаз. — Солнце уже высоко. Дорога до Элевсина не станет короче от твоих слез.

— Это пот, старик, — огрызнулся Зетос, вскакивая на своего коня. — Жара сегодня адская.

Они выехали за ворота, не оглядываясь. Оглядываться — плохая примета.

Они встретили Алексиса у развилки трех дорог, там, где стояла старая герма — каменный столб с головой Гермеса, покровителя путников. Младший брат Зетоса не стоял на месте. Он гарцевал на своем вороном жеребце, которого звал Ветром. Конь был горячим, с тонкой шеей и безумными глазами, явно не предназначенным для строя фаланги. Сам Алексис выглядел как чужеземец, заблудившийся в Аттике. Вместо приличного хитона на нем были пестрые скифские штаны — анаксириды, расшитые узорами, мягкие сапоги и куртка с длинными рукавами. На голове красовалась островерхая шапка из войлока. За спиной висел горит — футляр, объединяющий лук и стрелы.

— Эй! — крикнул Алексис, завидев их. Он пустил коня в галоп, сделал круг вокруг мула Зетоса и резко остановился, подняв облако пыли. — Я уж думал, вы решили идти пешком, как спартанцы!

— А я думал, мы встретили бродячего циркача, — Зетос поморщился, отмахиваясь от пыли. — Алексис, во имя Зевса, ты едешь на войну или на ярмарку? Что это на тебе?

— Удобство, брат! — Алексис хлопнул себя по бедру, обтянутому пестрой тканью. — Скифы знают толк в верховой езде. Твои голые колени сотрутся о седло к полудню, а я буду свеж, как нимфа.

— Ты выглядишь как варвар, — пробурчал Дракон. — Если нас остановят патрули, я скажу, что мы везем тебя на продажу в рабство.

— За меня дадут хорошую цену, старик! — расхохотался Алексис. — Ну что, в Дельфы? Говорят, Пифия предсказала, что мир спасет красавец на черном коне.

— Она предсказала, что мир спасут те, кто готов умереть, — осадил его Зетос. Его голос стал жестким. — Хватит гарцевать. Береги силы коня. Дорога будет долгой.

Брат сразу поскурился, но послушался. Авторитет Зетоса был для него нерушим, сколько бы он ни паясничал.

Они двинулись на северо-запад, по Священной дороге. Но чем дальше они отъезжали от Афин, тем меньше мир вокруг походил на ту Грецию, которую они знали. К полудню жара стала невыносимой. Это была не просто летняя знойность. Воздух был тяжелым, липким. Небо приобрело болезненный желтоватый оттенок.

Они проезжали мимо деревни у подножия Парниса. Поля стояли пустые. Пшеница, которая должна была колоситься золотом, почернела и полегла, словно её вытоптала невидимая армия.

— Смотрите, — Дракон указал плетью на ручей, пересекающий дорогу.

Зетос подъехал ближе. Вода в ручье не журчала. Она стояла в заводях, покрытая радужной, маслянистой пленкой. На берегу валялась мертвая коза. Её туша не разложилась на жаре, а словно высохла изнутри, превратившись в серую мумию.

— Что это? — тихо спросил Алексис. Его веселье испарилось.

— Яд, — Зетос спешил и коснулся земли носком сандалии. Трава рассыпалась в серый прах. — Зло... Сама земля умирает.

— Значит, Оракул не врал, — проворчал Дракон. — Мы едем не на войну, Зетос. Мы едем на похороны мира.

Вдруг Ветер, конь Алексиса, прятнул ушами и тревожно заржал, пятясь назад. Мул Зетоса уперся ногами в землю, отказываясь идти.

— Тихо! — шикнул Дракон.

Его рука мгновенно легла на рукоять меча.

Тишина. Абсолютная, звенящая тишина. Цикады замолчали. В этой неестественной тишине раздался звук.

Клац. Клац. Ш-ш-ших.

Звук напоминал лязг ножей, которые точат друг о друга. Он доносился сверху, со стороны скал, нависающих над дорогой.

Зетос поднял голову, прикрываясь ладонью от солнца. В небе кружили три точки. Они быстро приближались, и с каждым кругом солнечный свет вспыхивал на их крыльях не мягким блеском пера, а резким, слепящим блеском полированной бронзы.

— Щиты! — заорал Зетос, срывая с мула попону, прикрывающую его гоплон. — В укрытие!

— Это птицы? — Алексис задрал голову, щурясь. — Просто большие птицы...

— Это Стимфалиды! — рявкнул Дракон, загоняя свою лошадь под крону сухого дуба. — Беги, дурак!

Первая тварь спикировала с пронзительным визгом, похожим на скрежет металла по стеклу. Это был чудовищный гибрид цапли и ястреба, размером с человека. Её перья были выкованы из острой бронзы, клюв напоминал кирку, а когти могли пробить кирасу.

Зетос не успел надеть доспех. У него был только щит и меч. Он встал посреди дороги, закрываясь гоплом.

Бум!

Удар был такой силы, что Зетоса протащило по пыли на два локтя назад. Бронзовый клюв пробил внешнюю обшивку щита, застряв в дереве в сантиметре от его руки.

— Алексис! — крикнул Зетос, рубя мечом по длинной, покрытой медной чешуей шее твари. Клинок высек искры, но не разрубил металл. Птица взмахнула крылом, и острые как бритва перья полоснули Зетоса по плечу, разрывая плащ и кожу.

Вторая птица заходила на Дракона. Старик крутил конем, уходя от атаки, и пытался достать тварь копьём.

Третья зависла в воздухе, готовясь обрушить дождь из бронзовых перьев-стрел прямо на незащищенного Алексиса.

Младший брат не побежал в укрытие. Он сделал то, что умел лучше всего. Алексис соскользнул с седла, упав на одно колено. Его движения были текучими, быстрыми. Лук уже был в руках.

Тетива запела. Звук был коротким и сухим. Стрела ударила не в бронированное тело птицы. Она вошла точно в глаз — маленькую, уязвимую точку живой плоти среди металла.

Птица захлебнулась визгом, сложила крылья и камнем рухнула на землю в трех шагах от Алексиса, взрыв пыль.

— Одну сбил! — крикнул он, уже накладывая вторую стрелу.

— Сбей ту, что на мне! — прорывал Зетос, пытаясь вырвать клюв первой твари из своего щита. Птица била крыльями, пытаясь достать его лицо когтями.

Алексис развернулся. Он не мог стрелять — Зетос и птица кружились в смертельном танце.

— Пригнись, брат! — крикнул Алексис.

Зетос не задавал вопросов. Он знал голос брата. Он резко упал на спину, закрываясь щитом сверху.

Стрела просвистела там, где секунду назад была его голова. Она ударила птицу в открытую пасть, пробив нёбо и выйдя через затылок. Тварь задергалась и затихла, придавив Зетоса своей тяжестью.

Осталась третья. Дракон ранил её в крыло, но она всё ещё была опасна. Увидев гибель сородичей, она издала яростный клекот и развернулась, чтобы уйти в небо.

— Уходит! — крикнул Дракон.

Алексис вскочил на ноги. Птица была уже высоко, метров сто. Обычный лук не добил бы. Но композитный лук, сделанный из рога и сухожилий, в руках мастера был страшным оружием. Он натянул тетиву до самого уха и замер на секунду, став похожим на статую. Выдох. Выстрел. Стрела ушла в небо крошечной точкой. Секунда, две... Птица дернулась в воздухе, словно наткнулась на невидимую стену, и начала падать, беспорядочно кувыркаясь.

— Ха! — Алексис победно вскинул лук. — Три из трех! Зетос, ты видел? Видел?!

Зетос с трудом выбрался из-под туши первой птицы. Его плечо кровоточило, серый хитон был разорван. Он подошел к поверженному монстру и пнул его бронзовое крыло. Звук был глухим, металлическим.

— Видел, — выдохнул он, вытирая пот. — Неплохо для клоуна в пестрых штанах.

Он выдернул бронзовое перо из крыла твари. Оно было тяжелым, острым как кинжал и холодным. На нем не было ни капли крови, только масло.

— Это не звери, — мрачно сказал Дракон, подъезжая к ним. — Это машины войны. Арес их создавал, или Гефест, но они не должны быть здесь. Они живут на болотах Аркадии.

— Кто-то выгнал их из дома, — Зетос посмотрел на перо, а затем на горизонт, где стужались тучи над Дельфами. — Или кто-то призвал их на охоту.

Алексис подошел к брату, его лицо больше не было веселым. — Ты ранен.

— Царапина, — отмахнулся Зетос. — Но ты спас мне жизнь, брат. Я запомню.

— В Дельфах будет хуже, — сказал Дракон, глядя на север. — Если Стимфалиды летают днем открыто, значит, законы старого мира больше не работают. Надевайте бронзу. Дальше мы поедem как на войну, а не как на прогулку.

Зетос кивнул. Он посмотрел на дорогу. Пыль осела, но вкус во рту изменился. Теперь там был привкус меди и крови.

— Собирайтесь, — скомандовал он. — Мы должны добраться до Оракула до заката. Иначе эти твари вернутся стаяй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.